

богословия в его непрерывном развитии вплоть до XIX в., сколько в разработке нового стандарта описания и каталогизации византийских авторов после VIII в. Речь идет, по сути, о начальном этапе подготовки монументального *Clavis Auctorum Byzantinorum* («Ключ к византийским авторам»), который продолжил бы работу по инвентаризации древней христианской литературы, начатую болландистами и продолженную Ф. Деккерсом в однотомном «Ключе к латинским отцам» и М. Герардом в фундаментальном шеститомном справочнике *Clavis Patrum Graecorum* («Ключ к греческим отцам») для греческих авторов I–VIII вв.¹ Создание подобной книги для поздневизантийских авторов – пожалуй, самая насущная задача (и проблема) мировой византистики и патрологии, поскольку справочное пособие Х.-Г. Бека² уже давно устарело.

Нужно сказать, что составители блестяще справились со своей задачей. Разделы были заказаны ведущим мировым специалистам. Каждая статья опубликована на языке оригинала, так что для чтения книги требуется знание как минимум пяти новых языков, не считая древнегреческого. Подобная практика соответствует современному мировому научному уровню и в этом смысле вполне оправдана, хотя нельзя не пожалеть о фактической утере во второй половине XX столетия культуры единого гуманитарного научного языка – латинского, на котором составлены все основные «Ключи». Составители провели громадную работу – в лучших традициях и согласно стандартам и требованиям всемирно известного, ведущего в данной области издательства «Брепольс» – по унификации всей библиографии, проверке цитат и т. п. Единственный недостаток издания – отсутствие именного указателя, тем более необходимого, что энциклопедические статьи, монографии и статьи в каждом разделе помещены отдельно.

Необходимо сразу же отметить отличия рецензируемого издания от аналогичных ему «Ключей». В «Византийском богословии» библиография по каждому автору, согласно намерению издателей³, должна быть представлена достаточно полно, тогда как в «Ключах» библиография приводилась выборочно. Кроме того, каждый раздел сопровождается вступительной статьей с очерком биографии и богословия данного автора. Эти две особенности составители книги, супруги Контичелло, позаимствовали из стандартных патрологий, и подобное решение надо признать особенно удачным. Тем самым впервые в одном издании объединяются самые сильные стороны патрологий и *clavis*’ов, и эта находка, надеемся, отныне будет определять новый мировой стандарт соответствующих справочников. Несколько более спорно решение помещать в конце каждого раздела перевод на

¹ Главная задача «Клависов» – представить полный перечень всех дошедших сочинений и фрагментов древних авторов, равно как и их современных изданий.

² Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959 (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. XII, 2, 1).

³ «...une bibliographie abondante, sélective et allant, autant que possible, jusqu’à l’année en cours, est toujours appréciable» (р. 4) («...библиография обширная, отобранная и доведенная по возможности до года выпуска, всегда ценна»). Это заявление Ж. Норе, сделанное им как представителем серии *Corpus Christianorum*, выглядит несколько двусмысленно. Если библиография должна быть обширной, но при этом и отобранной, то как и кем устанавливаются критерии для такого отбора? Если же автор каждого раздела волен принимать то или иное решение, то почему никогда не поясняется, до какой степени библиография селективна? Дальнейший анализ подтвердил правомерность этого недоумения.

современный язык одного из произведений рассматриваемого автора. Это представляется, с одной стороны, допустимым, ибо дает возможность «непосредственно» услышать голос того или иного писателя, но с другой – кажется не вполне оправданной тратой драгоценного места универсального справочника. Вспомним, сколько места занимают в «Патрологии» И. Квастена развернутые цитаты при изложении богословия рассматриваемого отца. Между тем ни развернутые цитаты, ни публикации одного произведения, ни даже антологии никогда не заменяют систематического чтения творений того или иного автора. Единственное, на наш взгляд, целиком и полностью оправданное приложение – это первая полная критическая публикация (с переводом) на языке оригинала одного из важных произведений Григория Акиндина (см. ниже).

Прежде чем обратиться к обзору основного материала книги, остановимся на библиографии. Выборочный сопоставительный анализ «Византийского богословия» с «Библиографией исихазма»⁴ позволил нам прийти к выводу о неоднородности качества списков литературы. Так, в разделе о св. Николае Кавасиле, составленном сразу двумя авторами, мы почти не нашли серьезных пропусков (по состоянию на 2002 г.). Отсутствуют: русские исследования (далее указываем номера по «Библиографии исихазма») 6, 1708, 1782, 1784; иностранные 1709, 1716, 1731 (как ни странно, статья одного из двух авторов раздела!), 1735 (указан только оригинал статьи без новогреч. перевода), 1740, 1753, 1775 и 13, 199. Пропущены статьи, не относящиеся специально к Кавасиле, но касающиеся, в частности, и этого автора: 6, 1772, 1790, 1796. Выборочно (и, таким образом, не вполне последовательно) расписан сборник, посвященный Кавасиле (1643): нет, например, 1791, 1794, 1798. Указаны не все рецензии (ср., напр., 1738, 1747, 1778 и «Византийское богословие», с. 391). Но в целом библиография по Николаю Кавасиле является весьма полной. Напротив, библиография по свт. Григорию Паламе представляет совсем другую картину. Р. Синкевич полностью (за редчайшими исключениями) проигнорировал русскую литературу – как переводы, так и исследования. Приведу лишь несколько примеров отсутствия русскоязычной литературы: это (по «Библиографии исихазма») 6, 897, 908, 930, 1019–1027, 1054, 1055, 1056, 1057 (книга), 1109, 1110, 1178 и т. д. Но и в области иностранных работ в библиографии Р. Синкевича имеются громадные лакуны. Отсутствуют⁵ (включая славянские языки) 6, 1061, 1066, 1067, 1069, 1070, 1075, 1076, 1078 (книга), 1079, 1082 (книга), 1083, 1084, 1085 (книга), 1086–1089, 1093, 1094, 1106, 1107 (книга), и т. д. Сравнительно с 6, 1053 в «Византийском богословии» (с. 175) указаны не все переводы. Вызывает недоумение, почему библиография начинается, за редкими исключениями, лишь с 1933 г. – в перечне монографий отсутствует даже знаменитое исследование Г. Папамихаила, много способствовавшее пробуждению интереса к наследию и богословию Фессалонийского святителя.

Таким образом, библиографическая сторона книги нуждается в доработке или же конкретизации принципов, положенных в основу либо всего издания, либо отбора литературы в каждом конкретном разделе.

⁴ Исихазм: аннотированная библиография / Под общ. ред. С. С. Хоружего. М.: Изд. Совет РПЦ, 2004. Библиография всех греческих разделов составлена в этой книге А. Г. Дунаевым.

⁵ Проведен беглый анализ небольшой части библиографии работ по свт. Григорию Паламе в «Библиографии исихазма» (раздел 6, с. 394–397) – а именно, 6, 1052–1108 – сравнительно с «Византийским богословием».

Приступим теперь к обзору содержания рецензируемой книги.

Открывается она разделом по св. Григорию Синаиту (с. 35–130), написанным известным специалистом в области византийского исихазма А. Риго. Все работы этого исследователя, работающего с привлечением рукописей, представляют значительную научную ценность. Не является исключением и данная статья. Подробный список творений Григория Синаита важен как скрупулезностью в перечислении всех изданий и рукописей, включая сомнительные и подложные сочинения, так и привлечением внимания к ранее не издававшимся трактату «О четырех иерархиях», написанному преп. Григорием под влиянием Пс.-Дионисия Ареопагита. Первое издание этого сочинения, подготовленное А. Риго, должно было выйти в Милане в 2003 г. (славянский перевод остается неизданным).

Затем следуют разделы, посвященные двум главным участникам исихастских споров – св. Григорию Паламе (с. 131–188, глава написана издателем «Ста пятидесяти глав» Г. Синкевичем) и Григорию Акиндину (с. 189–314, автор статьи – о. Хуан Надаль Каньелас). Поскольку почти все произведения свт. Григория Паламы изданы критически, а библиография, как сказано выше, имеет существенные лакуны, этот раздел представляется нам одним из наименее интересных в книге и не имеющим особой научной новизны. 15 страниц для анализа богословия свт. Григория Паламы – явно недостаточно. Ввиду столь малого объема статьи заранее можно предполагать, что все спорные или не до конца проясненные моменты в богословии «учителя безмолвия», до сих пор дебатруемом в православно-католическом диалоге, будут обойдены стороной либо намечены пунктиром. Это мы и наблюдаем в статье. Вряд ли подобную позицию можно назвать объективной, ибо конкретное и четкое формулирование богословских проблем порой важнее тех или иных вариантов их решения. При всех этих недостатках, статья Р. Синкевича в определенной степени подводит итог современному «status quo» паламитских исследований, а английский перевод знаменитого «Святогорского томоса» (с. 183–188) представляет значительную ценность прежде всего благодаря отождествлению всех упоминаемых лиц, включая подписавших документ, с персоналиями PLP (просопографического словаря палеологовского периода): эти сведения будут необходимы для комментированного перевода документа первостепенной важности на любой язык.

Более объективной и взвешенной выглядит статья известного католического ученого, о. Хуана Надаля Каньеласа, хотя и придерживающегося антипаламитских взглядов, тем не менее никак не проявляющего в научной статье своих симпатий и антипатий. Несмотря на многолетнее отвлечение от науки на дипломатическую работу, о. Хуан издал в 1995 г. в серии *Corpus Christianorum* основные антипаламитские трактаты Григория Акиндина, а в 2003 г. – двухтомную монографию на французском языке о главном оппоненте св. Григория Паламы, с приложением перевода четырех трактатов Акиндина из т. н. «Большого опровержения»⁶. В настоящее время ученый готовит к изданию в той же серии и «малые» богословские сочинения Акиндина. В рецензируемой книге впервые представлено (на с. 258–284, ср. комментированный испанский перевод на с. 285–314) полное издание важнейшего источника по паламитским спорам – изложение Акиндином патриарху Иоанну Калеке и синоду обстоятельств возникновения спора между Григорием Паламой и Варлаамом. До сих пор в научном обороте это сочинение было известно только по частичному русскому переводу, сделанному непосредственно с рукописи известным русским византинистом

⁶ К сожалению, эта публикация была нам недоступна.

Ф. И. Успенским. Остается мечтать, чтобы на русском языке появились, наконец, ответственные и тщательно выверенные переводы сочинений как последователей и союзников св. Григория Паламы, так и его оппонентов, чтобы можно было более объективно, взвешенно и беспристрастно судить об этом сложнейшем и, можно сказать, ключевом периоде истории православной богословской мысли.

За превосходно составленным разделом о св. Николае Кавасиле (с. 315–410) – авторе, в России практически не исследованном и все еще мало переведенном, – следует глава о св. Марке Эфесском (Евгенике) (с. 411–467). Написанная Н. Констасом, она могла бы иметь научную ценность, если бы предложила, наконец, полный список всех творений Марка Эфесского. Однако указанный перечень в основном повторяет уже имеющиеся, прежде всего в монографии еп. Ириней (Буловича). Библиография заканчивается 1997 годом, что свидетельствует об определенной потере интереса исследователей к этой фигуре – одной из важнейших в истории православно-католических взаимоотношений. Красноречиво отсутствие в литературе статьи Б. Л. Фонкича о новых автографах Марка Евгеника (ср. «Библиография исихазма», 6, 2014), равно как и 6, 2016, 2017. Статьи Е. Миневой (6, 2021) нет как в библиографии, так и в списке изданий гимнографических сочинений свт. Марка. В разделе Н. Констаса ничего не сказано об отношении св. Марка к паламитскому «богословию энергий». Автор мог бы также, по примеру о. Хуана Надаля, издать какой-либо из нескольких (до сих пор не опубликованных) важнейших богословских трактатов свт. Марка (общий список неизданных сочинений см. на с. 434–440 рецензируемого издания, в т. ч. *девять* богословских произведений). Можно было бы воспользоваться и диссертацией М. Пилавакиса 1987 г., где впервые изданы (но лишь в машинописном виде, то есть практически недоступном) оба антирретика против Мануила Калеки (см. с. 425 «Византийского богословия», № 13 и 14). В целом раздел о Марке Эфесском откровенно слаб, зато полезно приложение – библиография литературы о Флорентийском Соборе (с. 468–475).

Еще более выбивается из общего высокого научного уровня рецензируемой книги глава о Константинопольском патриархе Геннадии (Георгии) Схоларии (с. 477–549, автор – Ф. Тиннефельд). Поскольку творения Схолария были изданы полностью по автографам, главный акцент должен был бы ставиться на анализе его богословского учения. Тем не менее этот раздел практически отсутствует, его заменяет лишь небольшой трехстраничный (!) очерк (с. 533–536). Перечень творений проработан подробно лишь для богословских сочинений (для них приводится расширенная библиография на с. 522–533 в виде комментариев к отдельным работам), описание прочих сводится в основном к отсылке к Полному собранию творений, вопреки общему принципу книги. Сравнение с «Библиографией исихазма» (с. 491–496, особенно со с. 493) сразу же вскрывает обширные лакуны в перечне литературы. В целом создается впечатление, что статья написана специалистом, квалификация которого не вполне соответствует столь монументальному изданию. Из библиографии не видно, чтобы у автора статьи были специальные работы по Схоларию. Можно предположить, что составители книги не смогли найти ученого, специализирующегося по Схоларию, за отсутствием такового в настоящее время. (Нелишне отметить, что для русских читателей творчество Геннадия Схолария – самая настоящая terra incognita.)

С Геннадием Схоларием мы вступаем в область поствизантийского богословия, представленного в книге очерками об Иеремии Траносе (с. 551–615, К. Ханник и К.-П. Тодт), Кирилле Лукарисе (с. 617–658, К.-П. Тодт), Досифее

Иерусалимском (с. 659–720, К.-П. Тодт), Евгении Вулгарисе (Булгарисе) (с. 721–848, Д. Стирнон), Никифоре Феотокисе (с. 849–903, В. Макридис, французская адаптация В. Контичелло) и Никодиме Святогорце (с. 905–997, И. Читтерио).

Рассмотрим в качестве примера статью, посвященную Никифору Феотокису (Феотоки; 1731–1800), судьба которого в последний период его жизни была тесно связана с Россией. Он стоял у истоков единоверческого движения и его официального признания, осуществил первое издание (на греческом) в 1770 г. аскетических слов преп. Исаака Сирина, внесших свою роль в «исихастское возрождение» в ряде православных стран. На богословские вопросы, волновавшие в то время греков, он давал следующие ответы. *Вопрос* Неофита Кавсокаливита: Тело в Таинстве Евхаристии одушевлено или нет, тождественно Телу Распятого или Воскресшего Господа? *Ответ*: Тело Господа едино с Его божественной природой, и одно и то же Тело было ломимо на Тайной Вечере и вкушаемо ныне причастниками. *Вопросы* Элевферия Михаила: пасхальный огонь на Гробе Господнем в Иерусалиме – естественный или сверхъестественный? подвержены ли порче освященная вода и Евхаристический Хлеб? *Ответы*: огонь происхождения не сверхъестественного; к тому же подобное чудо исторически не обосновано. По мнению Феотокиса, этот огонь зажигается днем иерусалимским епископом и затем ночью представляется верующим как божественный по «икономии», так как невежественная толпа отказалась бы признать правду. Впрочем, это «злоупотребление» нисколько не вредит вере в Воскресение Христово. Вода, по свидетельству очевидцев, не портится, но если вдруг произойдет обратное, это не имеет значения, так как речь идет не об основах веры. Поскольку, однако, исключения редки, правило имеет больше значения, чем противоположные примеры. Хлеб Евхаристии нетленен; в частности, Хлеб Великого Четверга, аккуратно хранимый, используется священником год спустя. Но если вдруг Хлеб по какой-то причине испортится, это не создаст догматических проблем, так как в Таинстве Евхаристии предлагаются субстанции хлеба и вина, тогда как акциденции остаются неизменными и тление затрагивает только вторые, а не первые. Можно согласиться с автором статьи, что Феотокис чужд всякого суеверия (сегодня следовало бы говорить скорее об излишнем рационализме Никифора, причем, с учетом исторического контекста) и проявляет глубокую веру в Творца, соединяя верность Преданию и интерес к современной науке (Феотокис – автор ряда естественно-научных трактатов). Тем не менее приходится признать, что вопросы, волновавшие греков в поствизантийский период, по своей богословской глубине далеки от великих споров конца Империи.

В целом статьи данной книги отличаются взвешенным подходом, чуждым всякого «экстремизма», нередко встречающегося при оценке столь сложных и неоднозначных явлений, как поствизантийское богословие, испытывавшее влияние католицизма, протестантизма и новоевропейской философии. Краткие сведения об этих разделах книги приведены в интернет-рецензии А. В. Муравьева⁷, к которой мы и отсылаем заинтересованных читателей. Отметим только, что работы иеромон. Илии (Читтерио) о преп. Никодиме Святогорце уже известны русскому читателю (см. «Библиографию исихазма», 7, 104). Можно, однако, пожалеть, что в перечень работ св. Никодима не включены *все* издания и новогреческие переводы одного из главных деятелей «филокалического возрождения».

⁷ http://portal-credo.ru/site/index.php?act=tv_reviews&id=45 (с досадными опечатками вроде «филокатолической» вместо «филокалической», хотя ранее, в самом деле, говорится о переводах преп. Никодимом католических авторов).

Остается поблагодарить составителей, что они не ограничились византийским периодом, а подошли к такому сложному явлению, как *предание*, комплексно. Это методологическое новшество (впрочем, не такое уж необычное для западных ученых после знаменитых работ о. Г. Подскальски, посвященных поствизантийскому греческому, древнерусскому и средневековому болгаро-сербскому богословию) следует всячески приветствовать, поскольку византийское богословие, как живая традиция, имеет отнюдь не «музейное», а живое и актуальное значение.

Наконец, заключением книги служит раздел по «Добротолюбию» (с. 999–1021). Это наиболее полная на сегодняшний день таблица согласования между собой всех имеющихся версий знаменитого сборника, включая русский перевод свт. Феофана Затворника. Вместе со списком-указателем на с. 509–511 «Библиографии исихазма» таблица из «Византийского богословия» будет долго служить «путеводной звездой» при подготовке новых переводов «Добротолюбия» на современном научном уровне (такая потребность давно уже назрела и для русского читателя).

Итак, можно сказать, что рецензируемая книга задает новый стандарт и уровень (по крайней мере, для будущего *Clavis Auctorum Byzantinorum*) и уже вошла в научный оборот (рекомендуемое сокращение – ТВ I/II). Однако слишком большой срок, потребовавшийся на ее подготовку, сбой в последовательности выхода томов и отдельные содержательно-организационные недочеты книги свидетельствуют о необходимости вести подобную работу целой командой ученых, желательно в рамках института (как, например, готовился PLP) с целевым долгосрочным финансированием, ибо справиться с подобным объемом работы за более-менее обозримый срок вряд ли по плечу отдельным энтузиастам.

А. Г. Дунаев

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский

Источники к библиографии. 1976–2003

Сводный указатель источников к библиографии святителя Димитрия, митрополита Ростовского, представляет публикации отечественных и зарубежных исследователей за период с 1976 по 2003 год включительно. Как определяющая и во многом знаменательная дата 1976 год взят на том основании, что именно в этом году после долгого времени вынужденного молчания появилось в печати обширное исследование протоиерея Александра Державина, посвященное главному творению святителя Димитрия – Четвы-Минеям, важнейшему церковно-историческому и литературному памятнику отечественной агиологии. Исследование о. Александра было опубликовано в двух выпусках «Богословских трудов» (№№ 15 и 16) в 1976 году, знаменуя собою новый этап освоения творений великого подвижника Божия. С той поры появилось в печати множество разнообразных публикаций о святом Димитрии и его писаниях и необходимость в сводном указателе такого рода материалов ощущается остро всеми, кто занят рассмотрением истории житийной литературы и отечественной словесности, а таких исследователей год от года становится все больше. Надо отметить, что ссылки на публикации за более ранний период можно найти в таких работах, как: «Св. Димитрий Ростовский» проф. И. А. Шляпкина (СПб., 1891), «Святой Димитрий, митрополит Ростовский» епископа Виссариона (В. П. Нечаева) (1-е изд. М., 1849, 2-е изд. М., 1910), а также в словарной статье М. А. Федотовой о св. Димитрии Ростовском («Словарь книжников и книжности Древней Руси», вып. 3, ч. 1, СПб., 1992).

Таким образом, библиография литературы, посвященной жизни и деятельности великого отечественного святого, представлена достаточно основательно, особенно